Глава 615. Непревзойдённая Дхарма

Ранним утром Цинь Му отправился в буддистский монастырь в городе Ли и постучал в дверь. Прося о встрече, он проговорил:

— Я хочу повидаться со старым Ма.

Монах, встретивший его, быстро отправился сообщить лидеру.

Причина, по которой Цинь Му сказал “старый Ма”, а не “Жулай Ма”, состояла в том, что Жулай — это лидер буддистов, ответственный за Монастырь Великого Громового Удара и продвижение религии, в то время как старый Ма приходился ему родственником.

Один был лидером монастыря, а второй — его близким человеком.

Придя на встречу с Жулаем Ма, он должен был представиться как Император Людей и Владыка Небесного Святого Культа, а придя к старому Ма, он был ребёнком, которого тот воспитал.

Спустя некоторое время монах вернулся и сообщил:

— Старый Ма приглашает тебя к себе.

Улыбнувшись, Цинь Му отправился следом за ним вглубь монастыря. Боги Верховных Небес Императора подарили монахам землю, на которой те построили монастырь и начали тщательно совершенствоваться.

По дороге он поднял голову и увидел двадцать размытых небес, нависающих над монастырём. Внизу под ними до сих пор находилось бесчисленное количество монахов, непрерывно читающих писания. Резонируя, их голоса превращались в лучи буддистского света, вливающиеся внутрь двадцати небес.

Они являлись небесами буддизма, а их образы, нависающие над монастырём, не были настоящими.

Цинь Му отвёл взгляд в сторону и увидел простоватого на вид старика, снявшего рясу Жулая и шагавшего в его сторону.

Старый Ма.

Юноша взволновался. С тех пор как старый Ма стал Жулаем Ма Монастыря Великого Громового Удара, они больше не могли видеться так часто, как раньше. Сняв свою рясу, он дал понять, что встречал его как родственник. Как тут можно было не взволноваться?

Тем не менее, в этом месте проводился буддистский обряд и повсюду блуждали бесчисленные монахи. Он должен был держать себя в руках и не создавать своему дедушке никаких проблем, особенно проблем разума.

— Дедушка Ма, я думал вам всем давным-давно удалось установить связь с двадцатью небесами, — собравшись с мыслями, Цинь Му полюбопытствовал. — Почему вы до сих пор пытаетесь это сделать? Неужели Будды Царства Будды не передали вам техник и навыком высшего уровня?

— Передали. Но их было очень мало, — ответив, старый Ма повёл Цинь Му в сторону монахов,

своими песнопениями пытающихся установить связь с Царством Будды.

Внутренняя часть монастыря оказалась невероятно просторной, здесь поместилось более тысячи монахов, сидящих в позе лотоса. Некоторые из них сидели на земле, в то время как другие парили в воздухе или даже возвышались на верхушках пагод.

— Царство Будды желает, чтобы мы сфокусировались на совершенствовании и не отвлекались на страдания мира смертных. Они никогда не собирались вмешиваться в жизнь людей, будто считали её чем-то запретным. Я хотел, чтобы они передали нам более сложные техники. Сердце Будды думает о спасении людей мира, так как они могли бы отказать в помощи, увидев плачевное положение дел смертных?

Цинь Му оглянулся. Среди тысяч монахов были мужчины, женщины, люди и демоны. Все они непрерывно пели, на оставляя двадцать небес в покое.

Подобный способ борьбы слегка напоминал домогательство.

Будды каждый раз слышали, когда кто-то произносил одно из их имён, поэтому монахи попросту не оставляли бедолаг в покое.

— Сначала несколько будд согласились передать нам свои навыки, но после этого с нами больше никто не связался. Я пытался пригласить их к нижней границе, но они отказались появляться здесь и помогать нам, — старик покачал головой. — Как по мне, на самом деле они не боятся, что смертный мир их испортит, а опасаются какого-то страшного существа. Несмотря на их сложные техники и высокие области, состояние их ума значительно пошатнулось. Всего лишь несколько дней назад боги из Царства Будды не выдержали нашей назойливости и предложили провести между Сыновьями Будды состязание Дхармы.

— Состязание Дхармы? — Цинь Му тут же взволновался и улыбчиво спросил. — Как они состязаются?

— Нужно выбрать своих лучших учеников Будды и проверить, чьи достижения Дхармы выше. Это состязание проходит в отдалённых уголках космоса. Я решил отправить Чжань Куна, — указав пальцем в небо, ответил старый Ма. — Он уже там. И к этому времени успел одолеть нескольких Сыновьей Будды с двадцати небес.

Цинь Му поднял голову и увидел Чжань Куна, сидящего на одной из пагод. Та, казалось, находилась на той же высоте, что и двадцать небес, в то время как напротив находился Сын Будды, сидящий на странном слоне, обвешанном красивыми нефритом и жемчугами.

За спиной слона возвышалось великолепное скопление монастырей, среди которых стояли гигантские будды. Вокруг их гордых, торжественных лиц кружились лучи света.

Две стороны вели крайне напряжённую дискуссию. Слова Сына Будды из двадцати небес текли бесконечным потоком, будто река, его монолог длился более часа.

Время от времени его голос звучал ревностно и страстно, а иногда был глубоким и низким, вызывая у всех вокруг непреодолимое желание прислушаться как можно внимательнее.

Его речь, несмотря на её затянутость, казалось, невозможно опровергнуть.

Наконец замолчав, он улыбнулся, смотря на демонического обезьяна, который, в свою очередь, протянул свою мохнатую ладонь и, выпрямив четыре толстых чёрных пальца, грубым голосом

начал говорить по слову:

— В абсолютной.

Будда не понимал о чём тот говорит и задумался, но чуть погодя обезьян продолжил:

— Пустоте.

Сын Будды нахмурился, его мысли кипели, между тем обезьян произнёс следующее слово:

— Есть.

Сын Будды дрогнул и прокричал:

— Какое “есть”, если речь идёт об абсолютной пустоте?

Не обращая на него никакого внимания, Чжань Кун продолжал:

— Тишина.

Впав в ярость, Сын Будды прокричал:

— Если в пустоте тишина, то как там может что-то быть? Твои слова противоречат Дхарме!

Сын Будды не мог сдержать свой гнев и собирался опровергнуть всё услышанное, как вдруг его тело задрожало. Сидя на слоне, он ошеломлённо застыл, не в силах сказать и слова.

Огромный будда за его спиной глубоко вздохнул и проговорил:

— В Абсолютной Пустоте Есть Тишина. Поистине изумительно, каждое твоё слово будто жемчужина, как объяснение Махаяны. Когда эти слова соединяются вместе, они становятся великими и глубокими. Кун Сян, ты говорил на протяжении часа и произнёс длинную речь, но, к сожалению, она не идёт ни в какое сравнение ни с одним его словом. Ты потерпел поражение, отступи.

Сын Будды слез со спины слона и поклонился обезьяну, прежде чем уйти.

Цинь Му был удивлён и озадачен:

— Дедушка Ма, у здоровяка и вправду есть корень мудрости? — спросил он.

Старый Ма торжественно ответил:

— Его мудрость поражает! Она даже превосходит таковую у меня и Мин Синя!

В этот момент со следующих небес спустился другой Сын Будды, следом за ним шло несколько громадных будд. Усевшись, незнакомец мгновенно засиял, двадцать небес разразились ослепляющими лучами, освещая всё в монастыре.

Увидев, как монастырь поглотили удивительные лучи, монахи удивились:

— У этого Сына Будды невероятно высокое совершенствование Дхармы!

Демонический обезьян поднял руку, прикрывая лицо от лучей. Его огромная ладонь заслонила свет, из-за чего на его лицо упала тень.

Только-только усевшийся Сын Будды как раз собрался начинать дискуссию, но, увидев эту картину, замер. В следующий миг он ощутил сладкий привкус в горле, прежде чем выблевать пригоршню свежей крови и прокричать:

— Твои достижения в Дхарме настолько высоки? У меня даже не было времени заговорить, а ты уже победил! — договорив, он упал на спину, едва дыша.

Группа будд, стоящих позади, быстро бросились к парню и спустя некоторое время помогли ему прийти в себя. Один из них похвалил:

— Собираясь обсудить с тобой что такое свет, Сын Будды Пу Чжао никак не ожидал, что ты сможешь увидеть его намерения насквозь. Тебе и вправду нет ровных в дискуссиях! Восхитительно! Замечательно!

Ошеломлённый Цинь Му с трудом оторвал глаза от спины демонического обезьяна и бросил на старого Ма сомнительный взгляд.

Ему было не под силу понять дискуссию подобного толка.

Старый Ма объяснил:

— Сын Будды начал свой вопрос, разразившись яркими буддистскими лучами. Между тем Чжань Кун поднял руку, прикрываясь, и под ней появилась тьма. Этим он хотел показать, что там, где есть свет, будет и тьма, они неразлучны. Из-за этого дискуссия, которую намеревался начать Сын Будды Пу Чжао, оборвалась… он уже не мог проговорить всего того, что сдерживал у себя в груди, из-за чего начал блевать кровью. Здесь можно отчётливо увидеть корень мудрости Чжань Куна.

Цинь Му потерял дар речи.

Он видел, что совершенствование Сына Будды Пу Чжао было крайне высоким, скорее всего тот был экспертом Дхармы области Небожителя. В сражении с ним он мог оказаться не в силах одержать верх, поэтому ему даже в голову не приходило, что тот, увидев, как демонический обезьян закрывает лицо от яркого света, едва не умрёт от рвоты кровью!

Между тем дискуссии демонического обезьяна позволили ему добраться до Небес Лакшми, и на очереди были Небеса Сарасвати.

Вскоре оттуда спустился очередной молодой Сын Будды в компании нескольких будд. Медленно усевшись напротив обезьяна, он молча держал в руках цветок лотоса, прежде чем проговорить:

— Ничего.

Обезьян ответил:

— Есть.

Сын Будды нахмурился и положил лотос на землю:

— Есть.

Обезьян проговорил:

— Ничего.

Парень напротив встал на ноги и прокричал:

— Ты обычный человек?

Волосатый здоровяк покачал головой:

— Я, Святой.

Сын Будды издал оглушительный крик:

— Ты святой будда?

Обезьян в очередной раз покачал головой:

— Я, Обычный.

Лицо молодого Сына Будды покраснело, и он сердито прокричал:

— Когда в моей руке что-то есть, ты говоришь “ничего”, когда в моей руке ничего нет, ты говоришь “есть”. Ты говоришь, что ты святой будда, но когда я спрашиваю святой будда ли ты, ты говоришь, что ты обычный! Что ты пытаешься сказать?

Будды за его спиной нахмурились и подозвали нескольких ваджр, чтобы увести парня прочь. Один из них извинился перед демоническим обезьяном:

— Прости его, младший брат, его сердце потеряло покой. Можно считать, что ничего — тоже есть, так же и когда что-то есть, это можно считать ничем. А когда чьё-то сердце святое, то и святое сердце кажется ему обычным.

Обезьян сделал уважительный жест, но не ответил ни слова.

Цинь Му был ошеломлён, его голова начала буквально гудеть. Схватившись за лоб, он посмотрел на старого Ма и проговорил:

— Дедушка, я совсем ничего не понимаю. У меня нет корня мудрости, лучше мне не слушать их разговоров.

— Когда я был в возрасте Чжань Куна, я даже и не мечтал о подобных достижениях. Если его слова сбивают тебя с толку, то нам лучше пройтись за пределами монастыря, — с улыбкой предложил старый Ма.

Цинь Му почувствовал огромное облегчение, будто его освободили от тяжёлого бремени.

Они вышли из монастыря и старый Ма, глубоко вдохнув, посмотрел на Цинь Му, улыбнулся и заговорил:

— Му’эр, теперь я Будда, я отдаляюсь от тебя всё сильнее и дальше. Одев свою робу и усевшись на место Будды, я перестал быть старым Ма из прошлого. В моих глазах все вы — живые существа. Но когда я встаю со своего места и снимаю робу, я снова становлюсь старым Ма из Цань Лао, Божественным Констеблем Ма, а ты становишься ребёнком, которого я воспитал.

Внезапно Цинь Му крепко обнял старого Ма, который на мгновение замер, прежде чем

умиротворённо улыбнуться и похлопать его по спине со словами:

— Чжань Кун очень быстро учится, Мин Син тоже делает огромные успехи. Однажды они унаследуют Монастырь Великого Громового Удара. Когда это время придёт, я оставлю своё место Будды и вернусь в деревню Цань Лао. Тогда мы сможем снова говорить и смеяться, пить вино и праздновать.

Цинь Му спросил:

— Почему будды двадцати небес не хотят делиться своими учениями или по крайней мере предоставить помощь нижней границе? Дедушка не спрашивал у них о причине?

— Спрашивал, и тогда один будда сказал мне, что причина, по которой Монастырь Великого Громового Удара дожил до наших дней, состоит в том, что мы не задаём вопросов. Как только мы начнём это делать, то потеряем защиту. Поэтому они хотели, чтобы я перестал спрашивать, — вздохнув, старый Ма продолжил. — В этот раз мы используем грязный приём, которому меня научил немой. Старик посоветовал мне приказать монахам произносить имена будды, тем самым нарушая их покой, пока у них, наконец, не закончится терпение и они не согласятся со мной заговорить. Если нам удастся выиграть дискуссию, будды двадцати небес позволят троим из нас войти в Царство Будды за знаниями. Тем не менее, они всё же не позволят своим людям спуститься нам на помощь. Тщательно всё обдумав, я решил, что три места всё-таки лучше, чем ничего.

В этот момент из монастыря донеслись радостные возгласы. Цинь Му и старый Ма переглянулись и быстро поспешили обратно, где увидели, как монахи раз за разом подбрасывают демонического обезьяна в небо.

— Мы победили, мы победили! — взволнованно вскрикивали они.

http://tl.rulate.ru/book/12626/497976